

Компоненты человеческого тела как объекты гражданского права

Д. В. Карташков

Для цитирования: *Карташков Д. В.* Компоненты человеческого тела как объекты гражданского права // Правоведение. 2021. Т. 65, № 4. С. 404–420. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2021.403>

В статье рассматриваются правовые проблемы возникновения и гибели различных категорий биоматериалов, таких как органы, ткани и клетки человека, а также производные от них клеточные линии. Автор показывает основные признаки вещно-правовой природы биоматериалов с позиций теории гражданского права через призму принципов материальной обособленности и экономической ценности. Также рассматриваются вопросы возникновения права на биоматериалы по двум моделям — первоначальной и производной, — что позволяет выявить парадокс человеческого тела как источника биоматериалов. Человеческое тело представляет собой точку частичного совпадения объекта права и субъекта права, что создает локус правовой неопределенности. Разрешить парадокс предлагается либо с использованием конструкции «природной среды» человеческого тела, либо через идею органической самопринадлежности. Автор делает аргументированный выбор в пользу второго варианта. Также проводится классификация различных биоматериалов на основании традиционных вещно-правовых характеристик (движимости, делимости, оборотоспособности, заменяемости и др.). Сама возможность рассуждать о биоматериалах в таком ключе детально иллюстрирует их вещно-правовую природу. Автор выстраивает модель гражданских правоотношений участников процесса по пересадке органов через классическую триаду правомочий собственника: владение, пользование и распоряжение. С опорой на теорию сделочной природы добровольного информированного согласия выдвигается гипотеза о существовании у донора непоименованного вещного права — права на уничтожение изъятого биоматериала. Такое право, вопреки сложившемуся пониманию, не возникает из добровольного информированного согласия как такового, а следует за вещью, так как не зависит от перемены собственника биоматериала. По мнению автора, совокупность изложенных в статье признаков (материальность, возможность вещно-правовой классификации и наличие производных вещных прав, следующих за биоматериалом) укрепляет набирающий популярность в последние десятилетия взгляд на биоматериалы как вещи, объекты права собственности.

Ключевые слова: вещное право, органы и ткани человека, биоматериал, трансплантация, самопринадлежность, добровольное информированное согласие.

Введение

Начало XXI в. ознаменовалось стремительным развитием биотехнологий. Одним из направлений развития явились трансплантология и биофармацевтика — отрасли медицины и фармацевтической индустрии, оперирующие объектами, извлеченными из человеческого тела. Такие объекты, как органы и ткани человека активно вовлекаются в гражданский оборот, однако их правовому положению даются противоречивые оценки. Отдельно отмечается, что неопределенным оста-

Карташков Дмитрий Владимирович — MA in Political Sciences, юрист, магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; dvkartashkov@edu.hse.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

ется их статус с точки зрения гражданского права¹. Целью данной статьи будет выявление правового статуса компонентов человеческого тела как объектов гражданского права, выстраивание целостной картины о моменте возникновения таких объектов, их правовом режиме, правомочиях их обладателя, способах и моменте прекращения их существования.

Для достижения поставленной цели выдвигается гипотеза о том, что такие объекты являются вещами в смысле гражданского права. Соответственно, в ходе исследования планируется решить следующие задачи: выявить вещно-правовые признаки у компонентов человеческого тела; установить момент возникновения и момент уничтожения компонента человеческого тела, как вещи; классифицировать компоненты человеческого тела с точки зрения традиционных классификаций вещного права; а также выстроить систему прав и правомочий всех участников правоотношений по владению, пользованию и распоряжению компонентами человеческого тела.

Вне фокуса внимания данной статьи останутся правоотношения в сфере охраны генетической информации и частной жизни доноров/реципиентов и пациентов, так как поставленная цель не охватывает этот комплекс правовых проблем. Проблема принадлежности информации решается независимо от правовой природы и характеристик компонентов человеческого тела, вопрос о правовом статусе которых является предметом настоящей статьи.

1. Вещно-правовые характеристики компонентов человеческого тела

В первую очередь необходимо определиться, какой круг объектов охватывается понятием «компоненты человеческого тела». В данной работе под компонентом человеческого тела мы будем понимать любой элемент тела человека, имеющий биологическую функцию и органическое происхождение, а также находящийся (или способный находиться) в структурной взаимосвязи с другими элементами человеческого тела. Система таких элементов соответственно образует целое человеческое тело. Следовательно, в круг объектов настоящего исследования включаются трансплантаты, т. е. органы и ткани, которые изымаются у донора для дальнейшей пересадки реципиенту, или же выращенные в лабораторных условиях тканевые культуры и органы; любые другие части человеческого тела, отделенные от него (ампутированные конечности и иные биологические отходы, полученные в ходе медицинского вмешательства), а также кровь, ее компоненты и половые клетки. За рамками работы остается абортивный материал, человеческие эмбрионы, трупы в целом — ввиду особо сложного правового и морального статуса данных объектов. Все остальные перечисленные компоненты человеческого тела включаются в понятие органов и тканей человека.

Вторым шагом для установления вещно-правовых характеристик компонентов человеческого тела является определение понятия «вещь». Существует множество различных определений этого понятия, наиболее древним и авторитетным из которых может считаться содержащееся в титуле VIII «О делении вещей и их свойствах» Дигест Юстиниана. Гай сначала делит вещи наиболее общим образом на вещи божественного права (религиозные объекты, городские ворота, стены и др.) и вещи человеческого права — все остальные, входящие либо в частную собственность, либо в публичную или содержащиеся в составе наследства. Затем

¹ См. об этой проблеме: Шарковская Е. А. Место биомедицинских клеточных продуктов в системе объектов гражданских прав // Российская юстиция. 2019. № 7. С. 63–65.

дается релевантное для целей нашего исследования разграничение на телесные и бестелесные вещи: «Телесные вещи — те, которые могут быть осязаемы, например участок земли, человек (раб), золото, серебро и, наконец, другие неисчислимы вещи...» (D.1.8.1.1)². Такой текст мы видим в русском переводе, однако при обращении к оригиналу обнаруживается, что слово «раб» отсутствует в тексте фразы, где в качестве примеров телесных вещей приводятся *fundus* (фермы, недвижимость), *homo* (человек), *vestis* (одежда), *aurum* (золото), *argentum* (серебро) *et denique aliae res innumerabiles* (и наконец многое другое)³. Это важное сообщение, которое показывает, что в сознании римского юриста телесной вещью являлся именно человек, а не раб. Так, свободный человек по римскому праву мог стать рабом, а раб получить свободу; более того, с одним человеком это могло происходить несколько раз, т.е. раб — это лишь некая особая перемена статуса человека, переход его из категории лиц в категорию вещей. Однако понятия «человек» и «тело человека» не тождественны и в рамках римского права. Так, виндикация тела умершего раба (*corpis*) не считалась достаточной мерой защиты, так как «необходимо, чтобы была возвращена и суть вещи» (D. 6.1.20). Следовательно, владение мертвым телом и владение живым телом также неравнозначны в рамках римского права. Учитывая степень развития медицинской науки в Древнем Риме, мы можем заключить, что отдельные компоненты человеческого тела не представляли для римлян никакой особой ценности, однако мертвое тело выступало в качестве вещи, равно как и тело живое.

Из этого римского определения следует, что основным признаком вещи является ее осязаемость, материальность. Любой компонент, извлеченный из тела человека, выступает осязаемым объектом материального мира. Однако среди извлекаемых компонентов человеческого тела могут быть столь малые (например, половые клетки), что они не будут осязаемы для человека сами по себе, но в таком случае они всегда будут помещены в некое специализированное хранилище (чашку Петри, шприц и т.п.). С. А. Сеницын отмечает, что на практике «вещами именуются различные колонии грибов, бактерий и микроорганизмов (хотя последние зачастую не могут быть осязаемы человеком)»⁴. Вещно-правовым статусом их наделяет обособленность от остального материального мира (они также содержатся в специальных контейнерах). Представляется, что эта же логика применима и к микроскопическим компонентам человеческого тела, если они могут быть помещаемы в осязаемые контейнеры.

Помимо критерия материальности, с развитием юридической науки был выделен ряд дополнительных критериев вещи. В наиболее общем виде в рамках отечественного права вещь определяется Е. А. Сухановым как «материальный предмет (физически осязаемый объект), обладающий пространственными характеристиками, имеющий экономическую форму товара и в силу этого относящийся к объектам гражданских прав»⁵. Существует мнение, что, помимо критерия материальности, вещь должна обладать некоей экономической ценностью, являться товаром. Под товаром в экономической науке понимаются экономические блага, предназначенные для продажи, имеющие меновую стоимость (способность к дву-

² Первая книга Дигест. URL: <https://rimpravo.ru/1-kniga-digest-iustiniana> (дата обращения: 26.01.2020).

³ *Omini nostri sacratissimi principis iustiniani iuris enucleati ex omni vetere iure collecti digestorum seu pandectarum*. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/justinian/digest1.shtml> (дата обращения: 26.01.2020).

⁴ Сеницын С. А. Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 14.

⁵ Суханов Е. А. Вещное право. Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 127.

стороннему справедливому обмену). Несмотря на практически повсеместный запрет на торговлю органами человека, она осуществляется в достаточно широких масштабах по всему миру. Более того, такие части человеческого тела, как волосы, кровь и половые клетки, свободно обращаются на соответствующих рынках (видимо, в связи с простотой их извлечения). Критерий «предназначения для продажи» определяется самим субъектом при изготовлении данного товара, является субъективным. Из этих простых соображений следует вывод, что компоненты человеческого тела способны иметь экономическую ценность и могут быть облечены в форму товара, в частности на черном рынке. Иными словами, если компонент человеческого тела ограничен в обороте и запрещен к обращению, как в случае с трансплантатами, то это никак не влияет на их вещно-правовую природу в силу наличия у них признаков материальности и экономической ценности. Именно критерий «товарности» зачастую вызывает наибольшее сопротивление у противников отнесения компонентов человеческого тела к объектам вещного права. Так, в ст. 21 Конвенции Совета Европы «О правах человека и биомедицине»⁶ сказано: «Тело человека и его части не должны как таковые являться источником получения финансовой выгоды». Из этого обычно делается вывод, что компоненты тела человека не должны считаться вещами, так как по этическим соображениям не могут выступать товарами⁷.

Однако критерий «экономической ценности» подвергается критике в отечественной литературе. «Нетоварными» именуется отходы потребления, которые очевидно являются вещами. Такой подход приводит к ситуации, когда факт признания тех или иных объектов вещами зависит от их текущей рыночной стоимости, что делает его субъективным⁸. К. И. Скловский указывает, что признак экономической ценности свойственен непосредственно товару как экономической категории, а вещь — более комплексное понятие и возникает раньше, чем обретает свою цену, т. е. «товарность». Товарность он называет «случайным качеством вещи»⁹.

В другой работе К. И. Скловский определяет вещь следующим образом: «Вещь — это материальный объект, способный быть во владении человека. Вещь — это понятие юридическое, а не физическое или экономическое. Вещь — не тело и не товар»¹⁰. Исключая признак «товарности», он обозначает определяющим иной — способность материального объекта быть подчиненным фактическому господству человека (признак владения). Если понимать владение в наиболее базовом определении, а именно как физическое господство над объектом материального мира, то несомненно, что человек может владеть извлеченными из его тела компонентами самостоятельно, так же как они могут находиться во владении других людей или организаций (например, биобанков).

На факультативность признака «экономической ценности» указывает и сравнительный материал. Так, в рамках наиболее близкой современной России германской правовой традиции признак экономической ценности (товарности) не

⁶ Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине // Совет Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007d004> (дата обращения: 13.05.2020).

⁷ См. об этом: *Красновский Г. Н., Иванов Д. Н.* Актуальные вопросы правового регулирования трансплантации органов и тканей в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1993. № 5. С. 53; *Ковалев М. И.* Юридические проблемы современной генетики // Государство и право. 1995. № 6. С. 20.

⁸ См. подробнее: *Синицын С. А.* Вещь как объект гражданских прав. С. 15.

⁹ *Скловский К. И.* Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2010. С. 16.

¹⁰ *Скловский К. И., Костко В. С.* О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 124.

выделяется вовсе на законодательном уровне. В § 90 Германского гражданского уложения указывается, что «телесные объекты признаются вещами»¹¹. Однако в литературе отдельно отмечается, что в Германии понятия «собственность» и «владение» к телу человека не применяются из этических соображений¹².

Компоненты человеческого тела расцениваются в качестве ограниченных в обороте вещей рядом современных исследователей¹³. В российской правовой традиции также известны случаи признания вещно правовой-природы отдельных компонентов человеческого тела задолго до становления трансплантологии¹⁴.

Таким образом, компоненты человеческого тела подпадают под доктринальное определение вещи в гражданском праве, будучи обособленными объектами материального мира, способными находиться во владении. При этом факультативный признак экономической ценности, который часто выделяется исследователями как необходимый для признания объекта вещью, фактически также присущ компонентам человеческого тела.

2. Момент и способ возникновения и уничтожения органа/ткани как вещи

При рассуждении о столь специфической категории вещей, как компоненты человеческого тела, необходимо ответить на вопрос о том, когда и как такие вещи возникают и как прекращается их существование. В науке гражданского права данный вопрос традиционно рассматривается в контексте способов приобретения права собственности. Представляется, что если компоненты человеческого тела могут быть признаны вещами, то к ним применима та же логика.

Право собственности на вещь может быть получено двумя основными путями: первоначальным (при создании вещи, находке бесхозной вещи и т. п.) или производным (по договору, наследованием и пр.). Соответственно, в первом случае собственность возникает на вновь создаваемую вещь, а во втором — право переходит от одного лица к другому. В случае с компонентами тела человека возможны оба варианта.

Если считать, что человек не обладает правом собственности на свое тело, то вещь создается врачом из «материала» донора. Однако если этот материал не принадлежит донору, то он является частью природного мира, из которого

¹¹ Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (дата обращения: 23.01.2020).

¹² См., напр.: *Останина Е. А.* Право на свое тело: распоряжения в отношении органов, тканей, клеток и эмбрионов с позиций гражданского права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 8. С. 156–195.

¹³ См., напр.: *Малеина М. Н.* Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. С. 86–88; *Осипова Л. В., Юдин Е. В.* Трансплантация органов (тканей) человека в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Медицинское право. 2016. № 3. С. 34–38; *Бабаджанов И. Х.* Человек, его тело: проблемы собственности // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 2. С. 170–177; *Мызров С. Н., Нагорный В. А.* К вопросу о вещно-правовом статусе органов и тканей человека: дифференцированный подход к разрешению проблемы // Медицинское право. 2014. № 3. С. 35–40; *Серебрякова А. А., Арзамаскин М. М., Варюшин М. С.* Государственно-правовое регулирование использования органов и тканей человека в целях трансплантации как особых объектов гражданского права (компаративистское исследование) // Власть. 2011. № 8. С. 157; *Чернущ Н. Ю., Цихоцкий А. В.* Гражданско-правовой режим биологического материала человека // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 81–87; *Васильев Г. С.* Человеческий биоматериал как объект права // Правоведение. 2018. Т. 62, № 2. С. 308–361.

¹⁴ См., напр.: *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1897. С. 157.

черпаются все ресурсы для создания вещей, так как вещь не может быть создана из ничего. Этот парадокс на данный момент затрудняет теоретическое обоснование автоматического приобретения права собственности на вещь медицинской организацией по факту изъятия по ст. 218 Гражданского кодекса РФ¹⁵. Право собственности может быть приобретено по первоначальному основанию только в случае, если всякая сделка между сторонами отсутствует. В то же время при медицинском вмешательстве стороны всегда связывает некоторый договор, а изъятие биоматериала валидируется пациентом посредством добровольного информированного согласия. Зачем испрашивать такое согласие, если право возникает вследствие обработки бесхозного материала? Из размышлений над этим вопросом возникает предположение, что данный материал в той или иной степени принадлежит донору.

Если же человек обладает правом собственности на содержащиеся в нем самом компоненты тела (и даже на все тело в совокупности), то при изъятии компонента вещь как бы выделяется из «имущественного комплекса» человеческого тела и может быть передана другому лицу по договору. Признание права собственности человека на его тело является дискуссионной философско-правовой проблемой. Его сторонники обосновывают право собственности человека на свое тело со всеми вытекающими последствиями через конструкции «самопринадлежности» (self-ownership)¹⁶ или «телесного суверенитета» (self-sovereignty)¹⁷. Такой подход представляется обоснованным, так как если тело человека не принадлежит ему самому, то оно должно принадлежать кому-либо еще либо не принадлежит никому. Между тем сложно отрицать, что человеческое тело физически контролируется самим человеком в буквальном смысле слова. В формально-юридическом смысле на современном этапе развития права такой подход дискуссионен по ряду причин, в первую очередь по соображениям частичного совпадения категорий субъекта права и объекта права. О. Э. Старовойтова справедливо отмечает: «Аргумент, что “мое тело — мое”, является только частью надлежащего понимания проблемы собственности на тело. В некотором смысле — это я. <...> В этом смысле наши тела являются не просто “нашими”; они частично охватывают нашу сущность»¹⁸. Однако в таком случае придется признать, что человеческое тело как объект права (если мы в принципе признаем объективную природу человеческой телесности с правовой точки зрения) принадлежит какому-либо другому субъекту права (не самому человеку). Представляется, что концепция самопринадлежности наиболее удачно отражает фактически существующий природный порядок, согласно которому именно сам человек (как абстрактный субъект права, как сознание, заключенное в теле) является фактическим владельцем собственного тела, имеет над ним полный и безраздельный контроль.

Немаловажным признаком собственности является представление о том, что собственник обладает господством над вещью, т. е. контролирует ее, в то время как человек не в состоянии контролировать собственные органы и ткани, которые

¹⁵ Здесь и далее ссылки на российское законодательство даются по СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.01.2020). — См. подробнее: *Васильев Г. С.* Человеческий биоматериал как объект права. С. 335.

¹⁶ *Taylor R. S.* Self-ownership and the limits of libertarianism // *Social Theory and Practice*. 2005. Vol. 31, no. 4. P. 465–482.

¹⁷ *Rao R.* Informed consent, body property, and self-sovereignty // *The Journal of Law, Medicine and Ethics*. 2016. Vol. 44 (3). P. 437–444.

¹⁸ *Старовойтова О. Э.* Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации: историко-правовой и теоретический анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский институт МВД России, 2006. С. 79–80.

возникают, развиваются и погибают исходя из естественного течения жизни. Однако «традиционные» вещи также подвержены процессам разложения, а упомянутое господство стоит понимать скорее в умозрительном ключе, в связи с чем подобный аргумент можно признать не самым удачным.

При донорстве крови или ее компонентов, половых клеток, равно как и при трансплантации органа, донор всегда подписывает добровольное информированное согласие. Такое согласие в плоскости гражданского права, как правило, рассматривается в качестве односторонней сделки¹⁹. Сущность этой сделки сводится к принятию донором/пациентом обязанности претерпевать доступ постороннего лица непосредственно к собственному телу. Соответствующее обязательство донора можно может быть признать особой формой натурального обязательства, так как кредитор не имеет права требовать исполнения, а должник не вправе вернуть исполненное²⁰. В качестве вещи изъятый материал создается в момент индивидуализации (выделения из организма человека и помещения в специализированное маркированное хранилище). Таким образом, в рамках содержания данного правоотношения нет обязанности по передаче вещи, вещь в любом случае создается. Обязательственная сторона сделки сводится к предоставлению доступа медицинского работника к телу донора, основанием возникновения вещного права служит юридический факт создания вещи путем индивидуализации. Конструкцию можно сравнить с договором подряда, при котором новая вещь создается по воле заказчика руками подрядчика из материала, предоставляемого заказчиком.

Прекращение существования ткани или органа в качестве вещи происходит несколькими способами. Наиболее часто встречаются непосредственная пересадка органа и переливание крови. Тот факт, что это обстоятельство является основанием прекращения существования вещи, хорошо иллюстрируется высказыванием К. И. Скловского: «Условием возвращения вещи в природу становится ее уничтожение: как вещь она вернуться не может»²¹. Повторим: человеческое тело как источник биоматериала может иметь некоторые общие черты именно с природой, являясь в некотором смысле неконтролируемой человеком природной средой обитания его сознания.

Акт трансплантации одновременно с возвращением изъятых биоматериалов в их естественную среду с социально-юридической точки зрения может быть признан актом потребления — полезные свойства вещи утрачиваются после ее однократного применения.

Вместе с тем компоненты человеческого тела способны прекращать свое существование в качестве вещей и иными способами, например посредством модификации.

Согласно ст. 4 Федерального закона от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», из биологического материала может быть приготовлена клеточная линия — особый модифицированный объект, используемый впоследствии для создания биомедицинских клеточных продуктов. При этом данный закон различает понятия «биологический материал», который является компонентом тела человека, и «клеточная линия», выступающая основой для коммерческого продукта, изготавливаемого из такого компонента. Можно заключить, что в ходе работы над созданием клеточной линии какое-то время существует отдельный объект вещного права — человеческий биоматериал, затем претерпе-

¹⁹ См. об этом: *Останина Е. А.* Право на свое тело. С. 181.

²⁰ См. подробнее: *Болычевская Е. С.* Натуральные обязательства в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2015. С. 65.

²¹ *Скловский К. И., Костко В. С.* О понятии вещи. С. 126.

вающий модификацию и становящийся клеточной линией. Аналогичным образом можно рассматривать биопринтинг — создание органа из биоматериала донора для последующей пересадки ему или иному лицу. В литературе отмечается, что наиболее удачной конструкцией для регулирования отношений биопринтинга выступает договор подряда со всеми вещно-правовыми последствиями²². Черты этой конструкции присутствуют и при обыкновенном изъятии биоматериала.

Компоненты человеческого тела, как и любые другие вещи, способны погибать случайно или уничтожаться собственником, причем происходит это гораздо чаще, чем принято полагать. В США широкий резонанс вызвало исследование, показавшее, что с 2004 по 2017 г. в этой стране ежегодно уничтожалось до 3500 донорских почек, пригодных к пересадке²³.

Таким образом, в зависимости от доктринального подхода момент возникновения вещно-правовых отношений вокруг компонентов человеческого тела может быть различным. В формально-юридическом смысле при текущем правовом регулировании в Российской Федерации признание права собственности человека на еще не извлеченные компоненты его тела представляется затруднительным. De lege lata компоненты человеческого тела создаются в качестве вещей врачом в момент индивидуализации, право на них при этом переходит медицинскому учреждению, так как врач действует в качестве представителя и работника данного учреждения²⁴, что является специфической этической и теоретико-правовой проблемой в свете вышеописанной теоретической концепции самопринадлежности. Такие объекты прекращают существование в качестве вещей по факту их трансплантации (акта потребления), переработки или модификации с целью создания иных объектов, а также посредством случайной гибели или уничтожения.

3. Классификация компонентов человеческого тела с точки зрения вещного права

Для понимания того, какие юридически значимые действия могут быть совершены с такими особыми объектами права, как компоненты тела человека, необходимо ответить на вопрос о том, какой именно вещью является тот или иной компонент человеческого тела. Существует ряд параметров и признаков, по которым принято разделять вещи на следующие категории: родовые и индивидуально-определенные; находящиеся в обороте и ограниченные в обороте; делимые и неделимые; простые и сложные и др. Далее мы классифицируем вещи по этим основаниям с целью ответить на ряд вопросов о правах на такие вещи и обязательствах, вытекающих при обращении компонентов тела человека. Сразу оговоримся: компонент тела человека выступает движимой вещью по причине неотношения его к недвижимости в рамках российского права.

3.1. Родовые и индивидуально-определенные вещи

Концептуальное основание деления вещей на родовые и индивидуально-определенные заключается в следующем: индивидуально-определенные вещи несут на себе печать личности их хозяина, в то время как ценность родовых вещей

²² См., напр.: *Аюшеева И. З.* Проблемы правового регулирования договорных отношений в сфере создания биопринтных человеческих органов // *Lex russica*. 2019. № 6. С. 95.

²³ *Maenoso R., Tullius S. G.* Saving lives by saving kidneys for transplant // *JAMA Internal Medicine*. 2019. Vol. 179 (10). P. 1374–1375.

²⁴ *Васильев Г. С.* Человеческий биоматериал как объект права. С. 335.

определяется «по весу, числу и мере»²⁵. С одной стороны, любой биологический материал человека будет в буквальном смысле содержать генетическую «печать» своего первоначального носителя. Это свойство сохраняется не только пока образец находится вне тела человека, но и спустя годы после трансплантации. Известен случай, когда ДНК донора была обнаружена у реципиента после пересадки костного мозга спустя четыре года, причем не только в костном мозге и крови, но и в других частях организма. Другой аналогичный случай связан с осуждением человека, когда основным доказательством послужила генетическая экспертиза; впоследствии выяснилось, что он также перенес пересадку костного мозга, а преступление было совершено донором²⁶. С другой стороны, при обращении с некоторыми компонентами человеческого тела их измеряют в объеме (например, семенная жидкость обычно сдается и хранится в объеме не менее 2 мл), а их связь с первоначальным донором может не играть никакой роли для реципиента (любой образец соответствующей группы крови подойдет человеку для переливания). Тем не менее, на наш взгляд, все компоненты человеческого тела могут рассматриваться в качестве индивидуально-определенных вещей ввиду маркирования хранилища с ними (акта индивидуализации), хотя некоторые способны выступать в качестве заменяемых.

3.2. Оборотоспособность компонентов тела человека

Под оборотоспособностью компонентов человеческого тела в наиболее общем виде понимается их возможность быть предметом гражданско-правовых сделок. Свободно обращающимися стоит признать кровь и ее компоненты, а также половые клетки, которые без ограничений (кроме лицензирования) торгуются на регулируемых государством рынках, в частности выступают объектами трансграничных сделок. Такие объекты свободно могут находиться в собственности частных лиц (клиник и биобанков), быть предметами договоров и т.д. При этом, скажем, запрет на пользование услугами суррогатной матери (и соответственно запрет на использование донорской яйцеклетки) для одиноких мужчин в Российской Федерации хотя и условно дискриминационен, однако не влияет на обращаемость половых клеток, так как договоры суррогатного материнства являются комплексом правоотношений, в основании которых лежит оказание услуг, а не передача вещи.

Иначе обстоят дела с трансплантатами, оборотоспособность которых ставится под сомнение из-за установленного в абз. 4 ст. 1, а также в ст. 15 Закона РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и/или тканей человека» запрета для органов и тканей выступать предметом договора купли продажи. До 2013 г. шла дискуссия о том, являются ли органы объектами, изъятыми из оборота, или же ограниченными в обороте вещами, которая естественным образом разрешилась в пользу второй версии. Аргументация сторонников теории ограниченной оборотоспособности трансплантатов представляется вполне обоснованной с формально-юридической точки зрения: органы и ткани могут выступать и выступают предметом многих других безвозмездных сделок, например дарения или хранения²⁷.

²⁵ См. подробнее: *Дождев Д. В.* Римское частное право. М.: ИНФРА-М НОРМА, 1996. С. 313–314.

²⁶ *Shroff S., Navin S.* Human chimerism — man with donor's DNA // *Indian Transplant Newsletter*. Nov. 2019 — Feb. 2020. Vol. 19, no. 58. URL: <https://www.itnnews.co.in/indian-transplant-newsletter/issue58/Human-Chimerism-Man-with-Donors-DNA-1004.htm> (дата обращения: 26.04.2022).

²⁷ См. об этом: *Головизнин А. В.* Оборотоспособность объектов гражданских прав // *Право и экономика*. 2018. № 4. С. 23.

Дифференцированный подход к определению оборотоспособности компонентов человеческого тела демонстрирует С. Н. Мызров, предлагая любые регенерируемые ткани человеческого организма считать оборотоспособными, а нерегенерируемые — ограниченными в обороте²⁸. Такой подход не совсем верен, так как, например, доля печени человека способна к полной регенерации после удаления, однако данная ткань сегодня относится к трансплантатам, свободное обращение которых на территории РФ запрещается. Неясно также, к какой категории в этой классификации относятся костный мозг и производимые им гематопозитические клетки крови. Представляется, что оборотоспособность тех или иных объектов определяется в большей степени не их природными или функциональными особенностями, а публичным порядком и уровнем развития биотехнологий. На данный момент компоненты человеческого тела по общему правилу можно считать ограниченными в обороте (кроме крови и половых клеток) ввиду многочисленных вышеописанных ограничений, хотя, скорее всего, такой их статус изменится в течение ближайшего столетия.

3.3. Делимость органов и тканей и их плоды

Еще одним основанием классификации служит критерий делимости вещи — ее способности разделяться, удерживая при этом качество и функции исходной вещи. Это в меньшей степени актуально для целостных органов, так как большая часть органов человека не способна к делению без потери функционального назначения. Основным исключением выступает печень — одну печень технически возможно пересадить двум разным реципиентам (в данном случае речь всегда идет о печени, полученной от трупа)²⁹. По воле медицинского учреждения печень может быть разделена без потери функционального назначения, что позволяет считать ее делимой вещью. Однако это имеет малый практический смысл, так как столь особый объект гражданского права защищен от взыскания кредиторами, а соответственно, и от принудительного деления.

Более сложной представляется ситуация с отдельными клетками и тканями человека. Так, биоматериал человека на практике способен к бесконечному делению *in vitro*. Такая клеточная культура самовоспроизводится подобно кораблю Тесея, постоянно заменяя собственные части, в юридическом смысле оставаясь одной и той же вещью. Владелец подобной культуры клеток может по своему желанию отделить от нее часть и размножить ее на две или более отдельные идентичные культуры клеток. Считать ли в таком случае второй образец плодом первого — или же это часть первоначальной вещи? На наш взгляд, данная ситуация аналогична древнеримскому пониманию правовой природы стада как делимой вещи, способной к приплоду (*fetus*)³⁰. В связи с этим при выделении в сторонней лаборатории таких плодов они будут принадлежать собственнику первоначальной вещи.

Следовательно, компоненты человеческого тела после их извлечения могут выступать в гражданском обороте в качестве вещей. Эти вещи будут движимыми и индивидуально-определенными. По общему правилу они ограничены в обороте, однако кровь и половые клетки являются свободно обращающимися вещами. Биоматериал человека также может выступать в качестве делимой вещи,

²⁸ Мызров С. Н., Нагорный В. А. К вопросу о вещно-правовом статусе органов и тканей человека. С. 37.

²⁹ См. подробнее: *Azoulay D. Split-liver transplantation for two adult recipients: Feasibility and long-term outcomes // Annals of Surgery. 2001. Vol. 233, iss. 4. P. 565–574.*

³⁰ *Дождев Д. В. Римское частное право. С. 323.*

трансплантаты же по общему правилу неделимы. Моментом возникновения органа или ткани в качестве вещи выступает момент ее индивидуализации в ходе заготовки врачом.

4. Права на компоненты человеческого тела и способы их защиты

В данном пункте статьи компоненты человеческого тела будут рассмотрены в качестве объектов тех или иных правоотношений. Многие из приведенных ниже ситуаций в России не происходили во многом из-за неразвитости рынка биотехнологий, но они могут быть полезны в качестве мысленных экспериментов для выстраивания целостной и внутренне непротиворечивой модели регулирования.

4.1. Владение компонентами человеческого тела

Среди интересантов при проведении манипуляций с компонентами человеческого тела стоит выделить доноров, реципиентов (при трансплантациях), медицинские учреждения, биобанки, а также биотехнологические и фармацевтические компании. Первоначальным собственником выделенного из тела компонента становится медицинское учреждение. С фактическим господством над вещью у такого собственника никаких проблем не возникает. Фактическое владение соединяется с явно выраженным намерением владеть, которое также является сущностной характеристикой юридического владения вещью.

Серьезным ограничением владения выступает возможность донора отозвать свое информированное согласие. Такая возможность не закреплена напрямую в российском законодательстве, однако присутствует в ст. 5 нератифицированной до сих пор Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины³¹, а также признается Верховным Судом РФ в отношении половых клеток³².

Согласно мировой практике, сформулированной в таких делах, как *Washington University v. Catalona*³³ в США или *Yearworth v. North Bristol NHS Trust* в Великобритании³⁴, при отзыве донором добровольного информированного согласия его биоматериал подлежит уничтожению (если такие образцы не являются анонимными). Такое правомочие донора вполне можно считать существенным ограничением владения, имеющим характер права следования, — даже при смене собственника биоматериала его первоначальный донор всегда сохраняет право на его уничтожение, что ограничивает не только владение, но и право собственности в целом. Наличие в структуре отношений по поводу биоматериала правомочия донора, имеющего характер права следования, еще раз указывает на вещную природу права на компоненты человеческого тела.

На уровне Европейского союза право донора на уничтожение своего биоматериала в любой момент обеспечивается нормами о прослеживаемости (*traceability*) всех образцов тканей человека. Такое положение содержится в Ди-

³¹ Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине // Совет Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007d004> (дата обращения: 18.05.2020).

³² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 46-КГ19-24.

³³ *Washington University v. Catalona*, 437 F. Supp. 2d 985, 1002 (E. D. Missouri 2006).

³⁴ *Yearworth v. North Bristol NHS Trust* [2009] EWCA Civ 37, [2010] QB 1, [2009] 3 WLR 118, [2009] 2 All ER 986 CA.

рективе 23/2004/ЕС³⁵. На практике это сводится к нанесению уникальной маркировки на все биологические образцы с условием возможности проследить весь путь образца от донора до реципиента. В Российской Федерации на рассмотрении находится Проект Федерального закона «О донорстве органов человека и их трансплантации» (подготовлен Минздравом России, ID проекта 02/04/12-19/00098296), предусматривающий, помимо прочего, создание Федерального регистра доноров органов, реципиентов и донорских органов, который, вероятно станет аналогом системы маркировки биообразцов в ЕС. В России уже сейчас законодательно предусмотрено создание реестра биомедицинских клеточных продуктов (подп. 5 п. 2 ст. 25 Федерального закона от 23.06.2016 № 180-ФЗ), содержащего наименование клеточных линий, из которых данные продукты изготовлены. Относительно образцов донорской крови также существует система идентификации через уникальные номера и автоматические штрих-коды донации, позволяющие идентифицировать конкретного донора³⁶. Эта система мер свидетельствует о стремлении к соблюдению в России принципа прослеживаемости.

Какой иск может предъявить донор, если его образцы не уничтожаются по его требованию? Представляется, что такой иск схож с требованием о прекращении обработки персональных данных, поскольку собственник вправе защищать свое владение всем классическим набором исков.

Таким образом, правомочие донора имеет общие черты и с личным неимущественным правом, и с непоименованным ограниченным вещным правом. В частности, оно следует за вещью и не может быть передано донором третьему лицу через какую-либо сделку. Различие состоит в том, что теоретически можно отозвать добровольное согласие на сдачу и обработку биоматериала и при этом не отозвать согласие на обработку персональных данных. Тогда может быть уничтожен сам биоматериал, а генетическая информация, полученная из него, остается у оператора персональных данных. Из этого можно сделать вывод о неотжественности двух указанных прав донора, о следовании права на уничтожение именно за вещью.

4.2. Использование компонентов человеческого тела

Под использованием традиционно понимается извлечение полезных свойств из вещи в соответствии с ее общепринятым целевым назначением. Как отмечается в литературе, у столь специфических объектов права еще не сложилась практика целевого использования³⁷.

Один из предлагаемых подходов определения цели использования — через цель самой сделки. Можно предположить, что удаленная опухоль должна быть утилизирована, а взятая для анализа кровь использована только в рамках анализа, а затем утилизирована. Этот теоретический подход поддерживает ст. 22 Конвенции о правах человека в биомедицине, устанавливающая необходимость испрашивать согласие при любом использовании изъятых компонентов тела чело-

³⁵ Directive 2004/23/EC of the European Parliament and of the Council of 31 March 2004 on setting standards of quality and safety for the donation, procurement, testing, processing, preservation, storage and distribution of human tissues and cells // EUR-Lex. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2004:102:0048:0058:en:PDF> (дата обращения: 20.05.2020).

³⁶ ГОСТ Р 52938-2008. Национальный стандарт Российской Федерации. Кровь донорская и ее компоненты. Контейнеры с консервированной кровью или ее компонентами. Маркировка (утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 14.07.2008 № 139-ст).

³⁷ Васильев Г. С. Человеческий биоматериал как объект права. С. 336.

века для целей, отличных от тех, в которых они были изъяты³⁸. По сути, пределы пользования обуславливаются не столько публичным порядком, сколько донором в рамках информированного добровольного согласия. Среди минусов такого подхода выделяется конфликт права пользования и распоряжения: собственник может передать права на биоматериал другому лицу, которое не ограничено обязательственными отношениями с донором. Однако представляется, что право донора на отзыв добровольного информированного согласия должно реализовываться вне зависимости от обязательственных отношений между донором и собственником его биоматериала, поскольку такое право следует за вещью, а не возникает из договора между пациентом и медицинской организацией. Данный подход критикуется по ряду направлений. В частности, целевой критерий ограничения пользования является размытым, формальным и нарушает права собственника биоматериала³⁹.

Такое ограничение права пользования может быть признано обоснованным, поскольку человек, по сути, никогда не сможет потерять биологическую связь с изъятым биоматериалом, даже если этот материал будет пересажен другому лицу. Несмотря на гибель вещи вследствие трансплантации, генетическая связь способна сохраняться долгие годы. На современном этапе в мировой практике донор по соображениям «защиты человеческого достоинства» лишен возможности приобретения финансовой выгоды от предоставления собственных тканей, за ним не признается имущественный интерес. Например, имущественный интерес пациента в собственном биоматериале не был признан в известном деле *Moore v. Regents of the University of California* (1990)⁴⁰. Этот прецедент до сих пор определяет развитие практики в области имущественных отношений в сфере оборота биоматериалов в США. Такой же подход закреплен и в Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины. Вместе с тем имущественный интерес в биоматериале признается за фармацевтическими и биотехнологическими компаниями. Представляется, что лишение донора возможности влиять на судьбу неразрывно связанного с ним в генетическом плане биоматериала в сочетании с отказом в возможности коммерциализировать продукты из тканей собственного тела будет несправедливым решением относительно конфликта прав собственника и прав донора. Непризнание имущественного интереса пациента в его собственном биоматериале и признание того же самого интереса за коммерческими компаниями допустимо расценивать в качестве нарушения принципа равенства субъектов гражданского права.

В иностранной литературе, посвященной проблеме использования тканей человека, зачастую ставится вопрос именно о предоставлении донорам ограниченного имущественного права, которое связывают с использованием не только самих извлеченных компонентов человеческого тела, но и коммерческих продуктов из этих компонентов⁴¹. Полагаем, что лишение донора права на отзыв

³⁸ Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине // Совет Европы. URL: <https://rm.coe.int/168007d004> (дата обращения: 18.05.2020).

³⁹ См. об этом: *Васильев Г. С.* Человеческий биоматериал как объект права. С. 338.

⁴⁰ Приводится по: *Карташков Д. В.* Способы защиты прав пациента при изъятии тканей для создания клеточных линий (на примере дела *Moore v. Regents of The University of California*) // Закон. 2020 № 6. С. 92–99.

⁴¹ См., напр.: *Gitter D. M.* Ownership of human tissue: a proposal for Federal recognition of human research participants' property rights in their biological material // *Washington & Lee Law Review*. 2004. Vol. 61. P. 257–344; *Townsley M. L.* Is there any body out there? A call for a new body of law to protect individual ownership interests in tissue samples used in medical research // *Washburn Law Journal*. 2014–2015. Vol. 54. P. 683–724.

согласия на использование его тканей не по назначению идет вразрез с общемировыми тенденциями все большего признания за донором имущественного интереса в его биоматериале.

4.3. Распоряжение компонентами человеческого тела

Собственник компонентов человеческого тела по общему правилу имеет право неограниченного распоряжения полученными биоматериалами в пределах, установленных законодательством. Он может свободно перерабатывать (модифицировать) или уничтожать биоматериалы донора, а также распоряжаться своим правом на данное имущество через различные договоры — купли-продажи (кроме органов для пересадки), мены, дарения.

Какие пределы распоряжения могут быть установлены донором для собственника? В ситуации трансплантации акт распоряжения (уничтожения вещи путем потребления) совпадает с актом непосредственного целевого использования. Пределы распоряжения/использования в таком случае определяются донором в добровольном информированном согласии и не могут быть нарушены медицинской организацией.

Каким иском могут защититься донор и реципиент, если распоряжение органом произошло не в его пользу? Одним из серьезных аргументов противников вещного статуса органов и тканей человека вообще является следующий мысленный эксперимент. Донор выражает свое согласие на прижизненную пересадку определенному реципиенту своего органа, а изъятый орган по ошибке пересаживается другому лицу. И донор, и реципиент в таком случае вправе предъявить иск о возмещении вреда здоровью, а не иск о возмещении стоимости вещи⁴². Однако такая квалификация будет верной только в отсутствие легальной возможности приобретения органа на рынке, поскольку стоимость потенциального органа для трансплантации тождественна нанесенному несостоявшейся трансплантацией вреду (собственно, непредоставление вещи и будет сутью этого вреда). Более того, на практике в Нью-Джерси имел место именно такой случай: пациент, который по ошибке не получил орган, был поднят в листе ожидания в приоритетном порядке и получил необходимую почку уже через шесть дней⁴³. Иными словами, интерес реципиента выражается в первую очередь не в денежной компенсации вреда (который не так просто установить в формально-юридическом смысле в подобном случае), а в возможности получения нового подходящего органа в кратчайшие сроки, которые достаточно эффективно обеспечиваются через рыночные механизмы распределения⁴⁴.

В этой ситуации реципиент не может потребовать вещь в натуре, так как она уже погибла в качестве вещи, смешавшись с организмом другого человека. Отсюда и ответственность медицинской организации договорная, а не деликтная.

Что касается иных видов биоматериала (помимо трансплантатов), то собственник вправе свободно распоряжаться ими по своему усмотрению — передавать их по договору, завещать, уничтожать и др.

В тех случаях, когда собственник не связан договорными отношениями с донором и реципиентом (в том числе если это аутологичная трансплантация), он

⁴² См. подробнее: *Останина Е. А.* Право на свое тело. С. 176.

⁴³ *Haider M., Frehse R.* A New Jersey hospital admits giving a kidney transplant to the wrong person // CNN. 2019. URL: <https://edition.cnn.com/2019/11/26/us/nj-hospital-kidney-transplant-wrong-person/index.html> (дата обращения: 21.05.2020).

⁴⁴ См. об этом: *Карташков Д. В.* Биоэтический анализ рыночной модели распределения донорских почек // *Медицинское право: теория и практика.* 2020. Т. 5, № 2. С. 149–153.

вправе распоряжаться компонентами человеческого тела по собственному усмотрению. Мы также не видим принципиальных преград для того, чтобы подобные биоматериалы становились предметом залога.

Таким образом, собственник биоматериала свободен распоряжаться компонентами человеческого тела по своему усмотрению в тех случаях, когда распоряжение не совпадает с использованием.

Выводы

Компоненты человеческого тела как объекты гражданского права относятся к категории вещей. Такие объекты можно классифицировать в качестве движимых, индивидуально-определенных, потребляемых вещей. Моментом их возникновения выступает акт забора их из человеческого тела врачом. *De lege lata* они создаются медицинской организацией, которая приобретает право собственности в результате сделки с донором, что является спорной философско-правовой и этической проблемой. Моментом уничтожения таких объектов становится акт их потребления путем трансплантации или же обыкновенная утилизация.

Собственник компонентов человеческого тела обладает всем набором правомочий, который, однако, ограничен публичным порядком (запрет на продажу органов) и правами донора, выраженными в его информированном добровольном согласии. Согласие может быть отозвано, что является основанием для уничтожения вещи. Такое право донора носит черты личного неимущественного и непоименованного вещного права — оно неразрывно связано с вещью и не может быть изменено договором или передано донором другому лицу.

Комплекс проблем, связанных с правами на компоненты человеческого тела, требует дальнейшего исследования.

Статья поступила в редакцию 31 августа 2020 г.
Рекомендована к печати 19 ноября 2021 г.

Components of the human body as objects of civil law

D. V. Kartashkov

For citation: Kartashkov, Dmitry V. 2021. Components of the human body as objects of civil law. *Pravovedenie* 65 (4): 404–420. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2021.403> (In Russian)

The article deals with legal problems of the emergence and death of various categories of biomaterials, such as human organs, tissues, and cells, as well as cell lines derived from them. The author shows the main features of the proprietary legal nature of biomaterials from the point of view of the theory of civil law through the prism of the principles of materialism and economic value. The article also examines the emergence of the right to biomaterials according to two models: initial and derivative, which makes it possible to reveal the paradox of the human body as a source of biomaterials. The author shows that the human body is a point of partial coincidence of the object of law and the subject of law, which creates a locus of legal uncertainty. It is proposed to resolve the paradox either using the construction of the “natural environment” of the human body, or through the idea of organic self-ownership. The author makes a reasoned choice in favor of the latter. The article also provides a classification of various biomaterials from the point of view of traditional proprietary characteristics: movability, divisibility, substitutability, etc. The very possibility to talk about biomaterials in this way illustrates in detail their proprietary legal nature. Then the author builds a model of civil relations between the participants in the organ transplant process through the classic triad of the owner’s rights: ownership, usage and disposal. The author, relying on the theory of the transactional nature of informed consent, hypothesizes that the donor has an unnamed property right: the right to destroy the

seized biomaterial. Such a right, contrary to the prevailing understanding, does not arise from informed consent as such, but follows the property, since it does not depend on the change in the owner of the biomaterial. The author shows that the totality of the features set out in the article: materiality, the possibility of proprietary legal classification and the presence of derivative property rights following the biomaterial, strengthens the view of biomaterials as objects of property rights.

Keywords: property law, human organs and tissues, biomaterial, transplantation, self-ownership, informed consent.

References

- Aiusheeva, Irina Z. 2019. Problems of legal regulation of contractual relations in the production of bioprinted food organs. *Lex russica* 6: 92–99. (In Russian)
- Azoulay, Daniel. 2001. Split-liver transplantation for two adult recipients: Feasibility and long-term outcomes. *Annals of Surgery* 233 (4): 565–574.
- Babadzhanov, Isrofil Kh. 2016. Human, his body: problems of property. *Iuridicheskaja nauka: istorija i sovremennost'* 2: 170–177. (In Russian)
- Bolychevskaia, Elena S. 2015. *Natural obligations in civil law*. PhD Diss. in Law. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi iuridicheskii universitet imeni O. E. Kutafina (MGIU). (In Russian)
- Chernus', Nadezhda Iu., Tsikhotskii, Anatoly V. 2019. Civil law regime of human biological material. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* 1: 81–87. (In Russian)
- Dozhdev, Dmitry V. 1996. *Roman private law*. Moscow, INFRA-M NORMA Publ. (In Russian)
- Gitter, David. M. 2004. Ownership of human tissue: a proposal for Federal recognition of human research participants' property rights in their biological material. *Washington & Lee Law Review* 61: 257–344.
- Goloviznin, Aleksey V. 2018. Turnover of objects of civil rights. *Pravo i ekonomika* 4: 21–26. (In Russian)
- Haider, Monica, Frehse, Rob. 2019. A New Jersey hospital admits giving a kidney transplant to the wrong person. *CNN*. Available at: <https://edition.cnn.com/2019/11/26/us/nj-hospital-kidney-transplant-wrong-person/index.html> (accessed: 21.05.2020).
- Kartashkov, Dmitry V. 2020. Bioethical analysis of market model of distribution of donor kidneys. *Meditsinskoe pravo: teoriia i praktika* 5 (2): 149–153. (In Russian)
- Kartashkov, Dmitry V. 2020. Legal remedies for patients whose tissues are removed to create cell lines (as exemplified by the case Moore v. Regents of the University of California). *Zakon* 6: 92–99. (In Russian)
- Korkunov, Nikolai M. 1897. *Lectures on the general theory of law*. St Petersburg, Izdatel'stvo iuridicheskogo knizhnogo magazina N. K. Martynova Publ. (In Russian)
- Kovalev, Mitrofan I. 1995. Legal problems of modern genetics. *Gosudarstvo i pravo* 6: 19–25. (In Russian)
- Krasnovskii, Grigoriy N., Ivanov, Dmitry N. 1993. Topical issues of legal regulation of organ and tissue transplantation in the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta* 5: 50–62. (In Russian)
- Maenosono, Ryoichi, Tullius, Stefan G. 2019. *Saving lives by saving kidneys for transplant*. *JAMA Internal Medicine* 179 (10): 1374–1375.
- Maleina, Marina N. 2000. *Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection*. Moscow, MZ Press Publ. (In Russian)
- Myzrov, Sergei N., Nagorny, Viktor A. 2014. Revisiting the proprietary status of human's organs and tissues: differential approach to solving this problem. *Meditsinskoe pravo* 3: 35–40. (In Russian)
- Osipova, Ludmila V., Iudin, Egor V. 2016. Transplantation of human organs (tissues) in the Russian Federation: problems of legal regulation. *Meditsinskoe pravo* 3: 34–38. (In Russian)
- Ostanina, Elena A. 2019. The right to your body: Orders regarding organs, tissues, cells and embryos from the perspective of civil law. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii* 8: 156–195. (In Russian)
- Rao, Radhika. 2016. Informed consent, body property, and self-sovereignty. *The Journal of Law, Medicine and Ethics* 44: 437–444.

- Serebriakova, Alla A., Arzamaskin, Mikhail M., Variushin, Mikhail S. 2011. State legal regulation of the use of human organs and tissues for transplantation as special objects of civil law (comparative study). *Vlast'* 8: 155–157. (In Russian)
- Sharkovskaia, Evgeniia A. 2019. The place of biomedical cellular products in the system of civil rights objects. *Rossiiskaia iustitsiia* 7: 63–65. (In Russian)
- Shroff, Samdha, Navin, Samrath. 2019–2020. Human chimerism — man with donor's DNA. *Indian Transplant Newsletter* 19 (58). Available at: <https://www.itnnews.co.in/indian-transplant-newsletter/issue58/Human-Chimerism-Man-with-Donors-DNA-1004.htm> (accessed: 26.04.2022).
- Sinitsyn, Sergei A. 2016. Thing as an object of civil rights: Possible and proper criteria for identification. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* 11: 7–17. (In Russian)
- Sklovskii, Konstantin I. 2010. *Property in civil law*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Sklovskii, Konstantin I., Kostko, Vladislav S. 2018. About the concept of a thing. Money. The property. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii* 7: 115–143. (In Russian)
- Starovoitova, Olga E. 2006. *The legal mechanism for the implementation and protection of somatic human and civil rights in the Russian Federation: Historical, legal and theoretical analysis*. Dr. Sci. Diss. in Law. St Petersburg, Sankt-Peterburgskii institut MVD Rossii. (In Russian)
- Sukhanov, Evgenii A. 2017. *Property law. Scientific and educational essay*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Taylor, Robert S. 2005. Self-ownership and the limits of libertarianism. *Social Theory and Practice* 4: 465–482.
- Townsley, Michael L. 2014–2015. Is there any body out there? A call for a new body of law to protect individual ownership interests in tissue samples used in medical research. *Washburn Law Journal* 54: 683–724.
- Vasil'ev, Gennadij S. 2018. Human biomaterial as an object of law. *Pravovedenie* 62 (2): 308–361. (In Russian)

Received: August 31, 2020
Accepted: November 19, 2021

Dmitry V. Kartashkov — MA in Political Sciences, Lawyer, Master Student, HSE University, 20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation; dvkartashkov@edu.hse.ru